

конфликт 1336 г. В Пере находились представители наиболее влиятельных и богатых генуэзских фамилий (например, Дриа, Спинола, Саули).

III часть книги посвящена разным аспектам истории Каффы. Весьма интересно исследование монетных систем Черноморья, проведенное на материалах нотариев, метрологические наблюдения автора, дополняющие известную книгу Шильбаха о византийской метрологии⁵. В главе «Каффа, 1371 г.» Баллетто издает серию интересных документов, и в их числе — уникальные акты распродажи с аукциона имущества умершего в Каффе нотариуса Николо Боссони, дающие представление о материальном положении средних слоев генуэзского чиновничества, занимавшегося и торговлей, в Северном Причерноморье. Общая выручка составила солидную сумму — 19 тыс. аспров барикатов; распродавалось недвижимое имущество (8960 аспров), две рабыни и один раб (1945 аспров), много одежды, украшений, домашней утвари, оружия, товаров. Среди покупателей названы греки, в том числе — из Симиссо и Севастополя (совр. Сухуми), татары, немцы и даже гасконец. Автор провел исчерпывающий анализ состава покупателей, относящихся к разным социальным слоям. В последней главе книги опубликованы акты нотариуса Эмануэле Гранелло, составленные в Каффе в 1467 г. и отражающие развитие в городе стеклодувного ремесла, торговлю книгами и другие интересные явления в экономической жизни Каффы накануне ее падения.

В заключение еще раз отметим, что Л. Баллетто не предлагает новых концепций развития связей Генуи и Леванта, не делает широких обобщений. Значение монографии — в том, что она вводит в научный оборот новые материалы, которые подвергаются скрупулезному анализу⁶.

С. К.

Χ. Κ. Παπαστάθης. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ (= 'Ελληνικὴ ἑταιρεία σλαβικῶν μελετῶν, 2). Θεσσαλονίκη, 1978

Работами ученых разных стран убедительно доказано, что с деятельностью «славянских апостолов» Кирилла и Мефодия было связано появление таких древнейших памятников славянского права, как Номоканон Мефодия, представляющий собой переводную выборку из известной византийской юридической компиляции — Синагоги Иоанна Антиохийского (Схоластика) — и так называемая анонимная Гомидия сборника Клоца (Codex Clozianus), в которой Гривец и Вайян независимо друг от друга определили наставление Мефодия судьям-князьям. Спорным считается отнесение некоторыми учеными также к деятельности византийских миссионеров Закона Судного людям — памятника, возникновение которого одними исследователями (преимущественно чехословацкими) связывается с великоморавской средой, другими же — с Болгарией, Македонией или Паннонией.

В рецензируемой книге греческого историка Х. Папастатиса, известного своими работами в области византийского права и его судеб в славянских странах, предпринята попытка пересмотра сложившихся точек зрения на проблему происхождения и соотношения этих трех древнейших памятников славянского права, всестороннего изучения церковно-правового аспекта миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, где в основном и протекала деятельность этих просветителей. Новое в подходе греческого историка к рассматриваемым вопросам заключается в том, что если его предшественники пользовались преимущественно филологическими и лингвистическими методами, то он изучает названные тексты с точки зрения юридической и исторической,

⁵ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. К сожалению, данные Шильбаха практически не учтены в книге Баллетто.

⁶ К теме монографии примыкают также исследования автора: *Balletto L. Un carico d'argento in fondo al Mare (Constantinopoli — 1281)*. — Atti dell'Accademia Ligure di Scienze e Lettere, 1977, v. 333, p. 3—8; *Eadem. Astigiani, alessandrini e monferrini a Caffa sulla fine del sec. XIII*. — Rivista di Storia, Arte e Archeologia per le Province di Alessandria e Asti, 1976, annata 85, p. 171—184; *Eadem. Il commercio del pesce nel Mar Nero sulla fine del Duecento*. — Critica storica, 1976, 13, N 3, p. 390—407; *Eadem. Commercio di grano dal Mar Nero all'Occidente (1290—91)*. — Ibid., 1977, 14, N 1, p. 57—65.

в контексте развития римско-византийского права в целом. Причем своеобразным ключом для решения поставленных проблем автору служит гомилия, рассмотрению которой посвящены три главы из семи, имеющих в книге.

В главе I подробно анализируется сборник Клоца, этот *codex unicus* (XI в.), в составе которого дошла до нас гомилия. Подчеркивается, что анонимная гомилия не имеет собственного титула, как остальные гомилии кодекса, и находится между двумя гомилиями Иоанна Златоуста. Папастатис указывает издания анонимной гомилии и ее переводы на латинский (Копитар, Гривец), чешский (Досталь, Вашица), словацкий (Паулини), словенский (Гривец) и французский (Вайян) языки и, в свою очередь, дает ее перевод на греческий язык (с. 19—24), используя в качестве оригинала критическое издание Достала. Анализ содержания гомилии приводит автора к выводу о том, что она адресуется к князю и местным судьям, что народ, о котором говорится в гомилии, был недавно обращен в христианство и не оставил еще полностью языческих обычаев, что поводом для ее написания был поступок какого-то знатного христианина, который развелся со своей женой, чтобы жениться затем на собственной крестнице или на матери крестницы с согласия князя. Отмечается, что гомилия предполагает существование письменного, но не полного законодательства, лакуны которого она и пытается заполнить новыми распоряжениями, что по своему характеру гомилия представляет собой пособие по судебной процедуре, *δικονομικὸν ἐδῆγόν* (с. 26).

Интересна глава II (с. 27—36), в которой анализируются те правовые нормы, которых касается анонимная гомилия: запрет языческих обычаев, запрет брака по причине «духовного родства» первой и второй степени, моногамия, прелюбодеяние, расторжение брака. Сопоставление их с соответствующими нормами римско-византийского права показывает, что автор гомилии точно следует римско-византийской правовой традиции и церковным канонам. То же самое Папастатис констатирует и в отношении принципов судопроизводства, вводимых гомилией: равенство сторон перед законом, беспристрастность судьи, разбирательство только с привлечением свидетелей (число которых, однако, не определено), применение судьей писаного права, принцип законности судопроизводства, выражающийся в том, что только назначенный богом отправлять правосудие может заниматься разбором тяжб (*nemo iudex sine lege*) и что никто не может подвергаться наказанию иначе, чем через суд и в соответствии с распоряжениями действующего права (*nemo poena sine iudicio*); наконец, принцип необратимости закона.

Глава III (с. 37—42) целиком посвящена обоснованию тезиса об оригинальном характере анонимной гомилии, который автор выдвигает и отстаивает в полемике с господствующей в настоящее время точкой зрения, согласно которой гомилия представляет собой перевод утраченного или не выявленного сочинения (Копитар, Вондрак, Гривец, Вайян, Вашица). Аргументы Папастатис черпает в самом содержании документа. По его мнению, с которым трудно не согласиться, такое предписание, как запрет брака по причине духовного родства, санкционированное Трулльским собором в 692 г., показывает, что гомилия, а также ее греческий оригинал (если он существовал), были сочинены после этой даты. Но поскольку христианизация империи была завершена задолго до этой даты, то в самой империи не было нужды сочинять гомилию, касающуюся новообращенных, и, следовательно, она могла быть составлена в областях, находившихся за пределами старого христианского мира и только что подвергшихся христианизации. Что же касается тех многочисленных греческих идиоматизмов, который Вайян выявил в старославянском тексте гомилии, то они могли появиться вследствие того, что автором памятника был византиец, который, составляя текст на старославянском, воспроизвел грамматические и синтаксические обороты родного ему греческого языка (с. 39). Следует также отметить важное, на наш взгляд, наблюдение Папастатиса относительно термина «Закон», употребленного в гомилии в двойном значении: 1) в значении «св. Писания» (в этом случае он всегда сопровождается соответствующими эпитетами, подобающими Ветхому и Новому Заветам) и 2) в значении, очевидно, уже известного суду действующего положительного законодательства, которое Папастатис склонен отождествлять с Номоканоном Мефодия и Законом Судным людям (с. 41).

Для обоснования этого тезиса предпринимается детальное рассмотрение двух названных памятников. Правда, вызывает некоторое недоумение то, что только в главе IV

(с. 43—66) автор подробно излагает все перипетии миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии (очевидно, с этого нужно было начать книгу). Как известно, И. Вашица считал, что Номоканон Мефодия представляет собой выборку из Синагоги Иоанна Схоластика, которая была обработана им с учетом местных событий, так что можно говорить о «новом, великоморавском типе Номоканона», отмеченном чертами тенденциозности по отношению к восточнохристианской церкви. Папастатис отрицает это, полагая, что Номоканон Мефодия ничем не отличается от традиционных византийских номоканонов. «Если бы Мефодий хотел приуменьшить патриарший трон Константинополя, — говорит Папастатис, — то он бы не перевел из Синагоги (Иоанна Схоластика) в свой Номоканон третий канон второго Константинопольского собора (381 г.) о примате епископа Константинополя перед епископом Рима» (с. 53—54). Большое значение автор придает и тому факту, что Номоканон Мефодия сохранился лишь в составе кормчих на Руси, т. е. в стране, которая принадлежала к юрисдикции византийской церкви. С другой стороны, по его мнению, неправ и Троицкий, который, вопреки Вашице, считал, что Мефодий своим Номоканоном пытался ввести нормы, направленные против западной церкви (например, 34 канон апостолов). Папастатис подчеркивает, что данный канон не содержит ничего, ущемляющего престиж папы, но лишь подтверждает права «первого епископа каждого народа» по отношению к его суффраганам. Мнение Троицкого можно было бы принять, «если бы Мефодий вместо Синагоги перевел так называемый Номоканон Фотия или, что правильнее, Номоканон в 14 титулов» (с. 56). Номоканон же Мефодия (Папастатис датирует его 883 г.) содержит каноны, одобряемые обеими церквями, и отвечает сугубо религиозным и пасторским целям, а сам Мефодий, этот «верный сын нераздельной церкви», как иерарх и переводчик был выше конфликта двух церквей (с. 59). Думается, что последний тезис греческого историка не бесспорен, причем независимо от того, содержал или нет Номоканон Мефодия какие-либо распоряжения, ущемляющие или возвышающие одну из церквей.

В этой же главе автор детально освещает историю изучения Закона Судного людям (с. 60—66), подчеркивает, что лучшим изданием памятника является издание М. Н. Тихомирова и Л. В. Милова (на котором он и основывается), анализирует имеющиеся на сегодняшний день точки зрения на происхождение памятника — «болгарскую» теорию (господствующую), «великоморавскую», «македонскую», «паннонскую», приберегая, однако, собственное мнение для другого раздела книги.

Основу главы V (с. 67—86) составляет сопоставление юридических норм, присущих всем трем рассматриваемым текстам (такими нормами являются запрет языческих обычаев, провозглашение моногамии, осуждение прелюбодеяния, принципы судопроизводства) или же двум из них. Так, общими для анонимной гомилии и Закона Судного людям являются такие правовые нормы, как запрет брака по причине духовного родства и расторжение брака, для Номоканона Мефодия и Закона Судного людям — воровство, грабеж, ограбление храмов. Это сопоставление приводит автора к важному, на наш взгляд, выводу о том, что все три памятника рассматривают указанные юридические сюжеты, дополняя друг друга и нигде не сталкиваясь (с. 79). Внимание автора привлекает также система наказаний за уголовные преступления, которая содержится в Законе Судном людям и на которую, по мнению Папастатиса, оказала большое влияние практика наложения церковных эпитимий, характерная для западной церкви и введена в Великой Моравии франкскими миссионерами задолго до Кирилла и Мефодия. Тот факт, что эта практика не нашла своего применения в Болгарии, хотя представление о ней болгары могли составить из такого известного документа, как *Responsa ad Consulta Vulgarorum* папы Николая I, лишней раз доказывает, по мысли автора, моравское происхождение Закона Судного. Это объясняет также включение анонимной гомилии в кодекс Клода, который содержит гомилии, предназначенные для оглашения на святой неделе: канонические наказания в католической церкви, налагаемые на верующих, публично оглашались в самой церкви в святой четверг (с. 86).

В главе VI (с. 87—96) делается попытка установить источники указанных памятников — Номоканона Мефодия, Закона Судного и анонимной гомилии. Что касается первого из них, то здесь все более или менее ясно: Номоканон представляет собой, как уже отмечалось, выборочный, но точный перевод Синагоги в 50 титулов Иоанна

Схоластика (235 канонов из 377, содержащихся в Синагоге). Менее бесспорным является вопрос об источниках Закона Судного. Автор пересматривает устоявшуюся точку зрения на то, что составитель этого памятника наряду с византийской Эклогой использовал в качестве источника также *Responsa Nicolai Papae ad consulta Vulgarorum*. Сопоставление Закона Судного с этими двумя юридическими текстами дало следующие результаты: 29 глав из 32, содержащихся в Законе Судном (в издании Тихомирова — Милова), основаны на Эклоге, причем 18 из них являются точными переводами соответствующих распоряжений Эклоги, 11 других — тоже из Эклоги, но отличаются от соответствующих распоряжений по способу формулировок или по подбору наказаний. «*Responsa*» здесь ни при чем, ибо даже те 11 глав Закона Судного, которые переключаются с содержанием «*Ответов*» Николая I, соответствуют последним только по рассматриваемым в них сюжетам, а не по существу (с. 89). Только 3 главы являются «действительно общими» для Закона Судного и «*Ответов*», но и они в той же точно формулировке наличествуют в Эклоге (с. 91). Таким образом, сопоставление этих текстов приводит автора к выводу о том, что источник Закона Судного — Эклога, а не «*Ответы*».

Что касается гомилии из сборника Клоца, то мы уже знаем точку зрения греческого ученого, согласно которой она является оригинальным сочинением в том смысле, что это не перевод. В данной же главе Папастатис устанавливает со всей очевидностью, что составитель гомилии использовал в качестве источника юридическую компиляцию, восходящую к VI в. и известную под названием Моисеев Закон (в разных вариантах). Отмечается, что текст этого памятника был переведен на старославянский и сохранился в русской Кормчей книге, образуя в последней 45-ю главу. Если учесть, что глава 46 Кормчей — это Закон Судный и что в двух древних рукописях Кормчей содержится также и Номоканон Мефодия, становится понятным и вывод автора о том, что такое «сосуществование» этих трех источников в Кормчей не случайно. А поскольку Моисеев Закон имеет отношение и к анонимной гомилии сборника Клоца, то «очень вероятно, что выборка и Моисеева Закона была переведена с греческого в тот же самый хронологический период, в том же самом месте и тем же автором, который сочинил анонимную гомилию» (с. 95).

Наконец, в последней, седьмой главе (с. 97—112) Папастатис, суммируя свои наблюдения, приходит к выводу, что тексты Номоканона Мефодия, Закона Судного людям и гомилии сборника Клоца составляют единый корпус юридических источников, написанных в одном месте и одним автором (с. 100). Последовательное же сопоставление их с житиями Кирилла и Мефодия и обнаружение прямой связи между теми событиями, на которые намекает гомилия, и деятельностью кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии, как она предстает в житиях Кирилла и Мефодия, делает весьма убедительным заключение греческого ученого о том, что автором этих текстов был Мефодий, а местом возникновения — Великая Моравия. Обширная эрудиция, хорошее знание римско-византийского и славянского права, вдумчивый анализ источников, четкость и ясность в изложении собственной концепции делают выводы греческого историка общезначимыми, а его труд — крупным вкладом в разработку проблем древнейшего славянского права.

И. М.

Искусство поздней античности и раннего средневековья

В конце 1977 г. музей Метрополитен в Нью-Йорке организовал большую выставку ранневизантийского искусства (период III—VII вв.), на которой были представлены памятники не только из музеев Америки, но также из Лувра, парижской Национальной библиотеки, библиотеки Ватикана, Национального музея Белграда, Музея Виктории и Альберта в Лондоне, собраний Вены и Берлина. Во вступительной статье к краткому каталогу, вышедшему к открытию выставки, К. Вейцман определил значение в истории византийского искусства того отрезка времени, который был выбран организаторами экспозиции ¹.

¹ Age of Spirituality. Late antique and early christian Art. Third to seventh century/ Introduction by K. Weitzmann, texts by M. E. Frazer. The Metropolitan Museum of Art, 1977.